

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.15838/sa.2026.3.51.2

УДК 304.3 | ББК 60.59

© Груздева М.А., Калачикова О.Н.

ЦИФРОВАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ РОССИЯН: КЕЙСЫ СЕМИ РЕГИОНОВ

МАРИЯ АНДРЕЕВНА ГРУЗДЕВА

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: mariya_antonovarsa@mail.ru

ORCID: [0000-0001-8759-4953](#); ResearcherID: [H-4981-2017](#)

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА КАЛАЧИКОВА

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: onk82@yandex.ru

ORCID: [0000-0003-4681-4344](#); ResearcherID: [I-9562-2016](#)

В статье исследуется специфика проявления цифрового разрыва в повседневной жизни населения регионов России. Актуальность данной проблематики подтверждается тем, что, несмотря на активное продвижение государственных инициатив, сохраняется дифференциация регионов по уровню цифровизации. Цель исследования состоит в выявлении общих тенденций и региональных различий в цифровизации повседневности россиян. Предпринята попытка проследить региональные различия в степени вовлеченности граждан в цифровое пространство, в том числе через призму реальных практик определить позитивные эффекты цифровизации, сопутствующие риски и их восприятие населением. Научная новизна работы связана с использованием уникальной базы данных для региональных сравнений, которая включает исследование, проведенное по единой методике в семи регионах страны (Вологодская, Курская, Свердловская, Тюменская области, Пермский край, Чеченская Республика, Республика Башкортостан), а также с комбинированием маркеров уровней цифрового благополучия и цифровой повседневности. В рамках исследования применен комплекс методов: сравнительный и статистический анализ, социологические методы, системно-структурный анализ для интерпретации результатов. Выявлено, что практически преодолен первый уровень цифрового разрыва (в доступе к ИКТ) — доля пользователей интернета превышает 90% во всех исследованных регионах (от 90,3% в Вологодской области до 99,7% в Чеченской Республике); рассмотрены различия в использова-

нии цифровых ресурсов, обусловленные социокультурными параметрами: например, в Чечне непопулярны социальные сети и интернет-магазины, но востребованы сервисы госуслуг, а в Вологодской области популярны социальные сети и онлайн-банки, наименее востребованным сегментом оказались образовательные ресурсы (ими не пользуются 32% респондентов). Наибольшие доли людей, не сталкивавшихся с негативными последствиями использования интернета, зафиксированы в Вологодской области и Пермском крае (43%). Перспективным направлением будущих исследований видится углубление анализа барьеров и драйверов цифровизации с учетом особенностей культурного кода и самобытности территорий.

Цифровизация, цифровая повседневность, цифровая среда, цифровая реальность, интернет, регионы России.

Введение

Современные российские регионы все еще развиваются в условиях существенной дифференциации по уровню социально-экономического развития, доходам населения, доступности услуг социальной сферы и другим параметрам. Различия касаются и сферы цифровизации. Исследование позволит выявить специфику проявления цифрового разрыва в зависимости от региональной принадлежности респондентов. Широкая доступность цифровых инструментов способна сгладить существующие региональные различия, обеспечивая равный доступ населения к образованию, трудоустройству, государственным услугам и культурному наследию. Однако практика показывает, что внедрение цифровых решений часто лишь усиливает существующее неравенство, создавая новые барьеры для отдельных групп населения. Изучение реальных практик использования цифровых ресурсов даст понимание механизмов формирования новых видов социального исключения.

Цель работы состоит в выявлении общих тенденций и региональных различий в цифровизации повседневности россиян.

Исследование направлено на решение важной научно-практической задачи, связанной с пониманием современного состояния и перспектив развития цифрового пространства в России. Несмотря на активное продвижение государственных инициатив по цифровизации общества, в результате которых сокращаются цифровые разрывы первого уровня (связанные с наличием доступа к инфраструктуре), в отдельных аспек-

тах сохраняется значительное региональное неравенство, что сужает возможности полноценного развития цифрового общества и эффективного использования его преимуществ населением. Исследование призвано расширить представления о региональной картине цифровых неравенств. Его новизна определяется также использованием уникальной базы данных для региональных сравнений.

Цифровая повседневность или цифровизация повседневности: концептуально-понятийный экскурс. Повседневность является предметом научного познания в первую очередь социологии и в разных контекстуальных плоскостях понимание ее цифровизации может различаться. Социология повседневности – это микросоциология. Объект социологии повседневности – наиболее типичные действия и мысли наиболее типичных представителей горожан в наиболее типичное время суток в наиболее типичных местах. Предмет социологии повседневности – все аспекты экономической, социальной, культурно-бытовой, экзистенциальной жизни горожан, не выходящие за рамки обыденности, повторяемости, общепринятости и традиционности. Повседневность невозможна там, где нет обычаев, общепринятых практик и действий, традиций. Повседневность – это привычность и привычки, рутина и ритуал, рутинность, типичность, повторяемость и воспроизводимость, автоматизм и безотчетность (Кравченко, 2023).

Социологи изучают, как цифровизация трансформирует общество (Смирнов, 2021),

социальные практики, институты и формы коммуникации (Прончев, 2022). Исследуются также изменения в повседневности, вызванные проникновением интернета, метавселенных и искусственного интеллекта в жизненное пространство человека (Мкртумова и др., 2025). Социологи рассматривают цифровизацию как амбивалентный процесс, который открывает и новые возможности, и проблемы, такие как цифровое неравенство (Гришаева, 2020; Добринская, Мартыненко, 2019), трансформация идентичности¹, «межпоколенческие разрывы» цифровой социализации (Посакалова, Сорокова, 2022; Ермаков, Ключко, 2025) и др. Сама наука тоже развивается с учетом изменения предмета исследований. Например, в статье В.А. Смирнова «Цифровизация социологии: новые возможности и ключевые противоречия» анализируется влияние цифровых технологий на методологию социологических исследований, в т. ч. использование больших данных, машинного обучения и нейросетевых технологий (Смирнов, 2024). М.В. Кибакин и С.А. Гришаева обосновали необходимость нового прочтения социологических концепций общества риска, сетевого общества, сложного общества и иных научных взглядов на современное общество применительно к процессу институционализации цифровой социологии как специальной социологической теории, учебной дисциплины и особой методологии познания цифровой реальности (Кибакин, Гришаева, 2019).

Исследования влияния цифровизации на человека и его жизнь дополняются психологами, лингвистами, культурологами, философами. Психологи изучают воздействие цифровых технологий на личность, психическое здоровье и процессы социализации. Например, в работе Г.У. Солдатовой и соавторов «Расширенная версия Шкалы самоуправления цифровой повседневностью (СУЦП-2)» определяется, как цифровизация влияет на целостность личности в условиях цифрового опосредования. Цифровые

среды и устройства здесь рассматриваются как культурные орудия, которые расширяют возможности человека, но также могут приводить к нарушениям телесной и личностной целостности (Солдатова и др., 2025).

Лингвисты анализируют изменения в языке, вызванные цифровизацией: появление новых слов, сокращений, эмодзи, изменение синтаксиса и коммуникативных практик. Например, в работе С.В. Первухиной «Цифроцентрическая научная парадигма в лингвистике: современность или будущее?» рассматриваются тенденции развития языкознания в условиях цифровой культуры, включая изучение цифровой коммуникации как объекта лингвистического исследования (Первухина, 2020). Искусственный интеллект и большие языковые модели трансформируют инструментарий лингвистической науки, что приводит к переосмыслению природы лингвистического знания. Компьютерная лингвистика развивается от правило-ориентированных систем к нейросетевым архитектурам, формируя лингвистическое знание на стыке гуманитарных и точных наук.

Культурная антропология и философия анализируют социокультурные изменения, вызванные цифровизацией, включая гибридизацию физической и виртуальной реальности, изменение форм рациональности и ментальности. Например, концепция диджитализации как следствия конвергенции интернетизации, сетевизации и виртуализации предлагается для более точного описания социальных изменений, вызванных развитием информационно-коммуникационных технологий (Моисеева, 2017).

Эволюция исследований цифровизации повседневности связана с развитием информационных технологий, их проникновением в жизнь людей, а главное – с необходимостью осознания трансформации жизнедеятельности вследствие использования ИТ. Первые работы были посвящены влиянию вычислительных технологий на общество. В 1968 году появился первый релиз программы для статистического анали-

¹ Лисенкова А.А. (2025). Трансформация идентичности в цифровую эпоху // Интернет-проект CYBERPSY. URL: <https://cyberpsy.ru/articles/transformaciya-identichnosti-v-cifrovuyu-epohu>

за данных SPSS, а в 1976 году создан язык программирования S, ставший базой для языка R, который сегодня широко используется в социологических исследованиях. Эти инструменты повысили скорость обработки данных и открыли новые возможности для многомерного анализа (Смирнов, 2024).

Несомненно, важнейшим предиктором социальных изменений стало появление и распространение интернета в 1990-х гг. Социологи начали изучать, как новые формы коммуникации (электронная почта, онлайн-форумы) меняют социальные взаимодействия. Появились работы, посвященные влиянию цифровых технологий на формирование сообществ и идентичности.

В антропологии начались исследования мобильных устройств и их роли в повседневной жизни. Например, работа Кейт Фокс для компании «Бритиш телеком» показала, что мобильные телефоны позволяют воссоздать непосредственное общение, характерное для доиндустриального общества. Изучались также культурные и географические различия в использовании технологий (Немцева, 2023).

Через десять лет исследований начали формироваться новые научные направления: цифровая социология, цифровая антропология, компьютерная лингвистика (Ницевич, 2018; Утробина, 2022; Седых, 2024; Дружинина, Синева, 2024). Это объективная данность реальности и исследовательского дискурса, которая закономерно и планомерно развивает методологию для получения объективной информации и понимания рисков и преимуществ, смыслов происходящих изменений.

В статье «Цифровизация социальной реальности: ключевые дискуссии» Н.Г. Осипова подчеркивает, что: «„цифровизация“ как элемент новой социальной реальности стала предметом многочисленных дискуссий и споров, ключевыми векторами которых являются: 1) дифференциация цифровизации от похожих, но не идентичных ей процессов; 2) область и широта охвата цифровизацией различных сфер хозяйственной и социальной жизни; 3) достоинства и недостат-

ки цифровизации социальной реальности; 4) направления, социальные последствия и будущее цифровизации. <...> Опасность ускоренной и безоговорочной цифровизации – в фетишизации роли и места цифровой техники и науки в современном социальном развитии, что неизбежно ведет к усилению технократического детерминизма и сциентизма, связанного с абсолютизацией естественных наук как единственно научного знания» (Осипова, 2022, с. 7).

К числу рисков цифровизации повседневности относится, несомненно, новый ракурс социального неравенства. Анализируя общественные неравенства пореформенной России, академик М.К. Горшков отметил доступ к компьютерным технологиям и телекоммуникациям, а также правильное их использование как ключ к успеху в информационном обществе, определив риски «цифровой бедности» (Горшков, 2016, с. 705). Даже после того как люди осваивают интернет и цифровые сервисы, между ними сохраняются существенные различия. Это можно объяснить через объем и эффективность использования цифрового капитала, который рассматривается как совокупность доступа и наличия цифровых навыков, конвертируется в экономический, социальный, культурный капитал и существенно различается у различных групп населения (Ragnedda, 2019).

Для оценки масштабов и факторов цифровых разрывов в современных исследованиях зарубежными и отечественными учеными широко используется трехуровневая модель цифровых неравенств (Архипова и др., 2018; Гладкова и др., 2019; Сафиуллин, Моисеева, 2019; Hargittai, 2001; Gunkel, 2003; Ragnedda, Kreitem, 2018). Ее авторские вариации позволяют проводить оценку цифровых разрывов в территориальном разрезе, социально-демографических группах населения. Нами ранее апробирована методика оценки цифрового благополучия регионов России и выявлено влияние на него возрастного, поселенческого и доходного факторов (Груздева, 2023). Преимуществом методики является использование доступных и стати-

Таблица 1. Структура выборки исследования

Показатель	Республика Башкортостан	Вологодская область	Курская область	Пермский край	Свердловская область	Тюменская область	Чеченская Республика	В целом выборка
Мужчины, % от числа опрошенных	46	45	48	42	45	45	47	45
Средний возраст, лет (ст. отклон.)	43,4 (15,9)	46,4 (15,1)	44,4 (17,4)	46,1 (17,8)	47,5 (16,6)	46,0 (16,1)	37,6 (13,7)	44,4 (16,4)
Доля городского населения, %	63	67	75	100	86	63	35	70
Всего опрошено, чел.	513	400	400	401	400	400	400	2914

стически фиксируемых данных о цифровых разрывах первого и второго уровня, третий уровень и четвертый компонент оценки – риски использования ИКТ – актуализированы данными специальных обследований населения.

Исходя из понимания повседневности, под ее цифровизацией подразумевается проникновение информационных технологий в обыденную жизнь людей, модернизация привычного за счет использования возможностей цифры. В свою очередь цифровая повседневность – это «рутина» виртуальной жизни (просмотр писем, выбранных новостных ресурсов, онлайн-общение, развлечения и досуг и т. д.). В этом ракурсе цифровая повседневность может выступать как отдельный предмет исследований, самостоятельное явление или как итог, результат цифровизации повседневности.

Целью работы стал сравнительный межрегиональный анализ цифровых разрывов в концептуально-методическом ракурсе цифрового благополучия на данных опроса населения семи субъектов РФ в пространстве повседневной жизни.

Материалы и методы

Эмпирический этап исследования выполнен в рамках реализации межрегиональной программы «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов». Программа реализуется в целом по России с 1995 года, на территории более 20 регионов России с 2006 года по настоящее время, по общей методике с добавлениями региональных аспектов инструментария (Лапин,

Беляева, 2010). Информационную базу составили результаты социологического исследования, проведенного в 2023 году по модифицированному инструментарии² в семи регионах РФ. Структура выборки отражена в *табл. 1*. В организации опроса приняли участие региональные социологические группы.

База данных 2023 года (выборка 1) сформирована в процессе инициативного исследования по модифицированному инструментарии. Опросы проводились методом личного интервью, выборка стратифицированная, случайная в пределах квот внутри региона.

Инструментарий исследования разработан в соответствии с трехуровневой моделью цифровых разрывов, предполагающей оценку в доступе к ИКТ, их использования, навыки и умения населения, позволяющие извлекать выгоды из применения ИКТ. С учетом успешного опыта апробации методики цифрового благополучия населения модель дополнена оценкой рисков вовлеченности в информационную среду. Контекст повседневности снимает вопрос учета исключительно субъективных мнений населения, полученных методом анкетирования. В данном исследовании скомбинированы маркеры уровней цифрового благополучия и цифровой повседневности, т. е. обычных цифровых практик граждан.

Для определения первого уровня цифрового разрыва применен маркер доступа к интернету, измеренный долей пользователей. Использование (второй уровень) оценено через цели, конкретизирована группа

² Свидетельство о регистрации базы данных RU 2024623834, 30.08.2024.

самых непопулярных ресурсов сети в каждом регионе. Третий уровень модели – через распространенность опыта извлечения выгод от использования интернета. Для выявления мнения о рисках «всемирной паутины» оценена проявленность негативных последствий для различных сфер цифровой повседневной жизни по субъективной оценке пользователей. Ограничением исследования выступает усеченность перечня аспектов повседневности, а именно опыта столкновения с цифровыми мошенничествами, наличия «цифрового быта», домашнего труда (умный дом, управление бытовыми гаджетами через интернет), поскольку они не всегда могут быть надежно измеримы через маркер вовлеченности в использование интернета.

Для реализации цели применялся комплекс научных методов, в частности сравнительный анализ, статистический анализ, социологические методы. Интерпретация результатов осуществлялась с помощью методов системно-структурного анализа.

Результаты

Семь регионов, участвующих в проекте «Социокультурный портрет региона», представляют четыре федеральных округа, отличаются территориальным, этнокультурным и социально-экономическим разнообразием. Вологодская и Курская области располагаются в европейской части России недалеко от крупных столичных регионов, широко включены в международные и внутрироссийские цепочки создания добавленной стоимости, характеризуются преиму-

щенно этнокультурной гомогенностью. Республика Башкортостан, Пермский край, Свердловская и Тюменская области представляют регионы глубинки, находятся на пересечении транспортных коммуникаций, соединяя западную и восточную части большой страны. Они известны значительной промышленной составляющей в экономиках и развитым сельским хозяйством, отличаются этническим разнообразием. Чеченская Республика – один из субъектов Северо-Кавказского федерального округа, где активно наращивается экономика, в первую очередь за счет развития инфраструктурных отраслей, таких как строительство и торговля.

Согласно апробированной нами ранее методике оценки цифрового благополучия населения регионов (Груздева, 2023), рассматриваемые субъекты отнесены к одному из трех уровней цифрового благополучия населения. Расчет проведен по доступным данным для трех лет наблюдения. В 2015 и 2018 гг. были представлены все три уровня цифрового благополучия населения, в 2021 году Курская область улучшила позицию и вошла в наполненную группу территорий со средним уровнем цифрового благополучия. Отметим, что среди представленных территорий в группе с уровнем цифрового благополучия выше среднего находился также один регион: в 2015 году – Свердловская область, в 2018 и 2021 гг. – Тюменская область (табл. 2).

Теперь согласно логике нашего исследования проанализируем мнения жителей регионов, позволяющие оценить цифровое

Таблица 2. Расположение исследуемых регионов по уровням цифрового благополучия населения

Уровень цифрового благополучия населения региона	Год		
	2015	2018	2021
Выше среднего	Свердловская область	Тюменская область	Тюменская область
Средний	Вологодская область Тюменская область Пермский край Республика Башкортостан Чеченская Республика	Вологодская область Пермский край Республика Башкортостан Чеченская Республика Свердловская область	Вологодская область Курская область Пермский край Республика Башкортостан Чеченская Республика Свердловская область
Ниже среднего	Курская область	Курская область	–

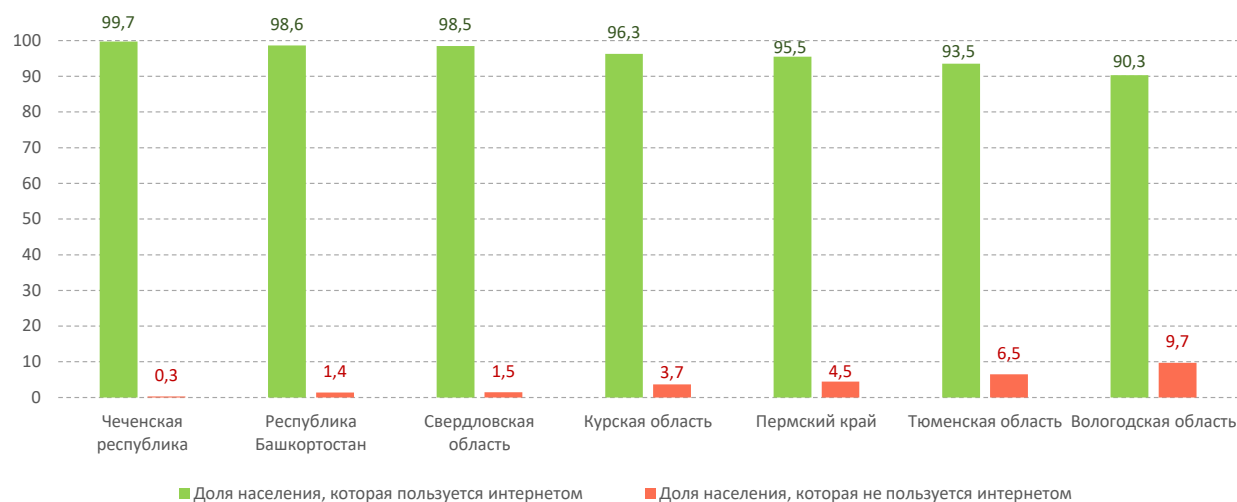

Рис. 1. Включенность населения исследуемых регионов в цифровое пространство, 2024 год, %

благополучие в контексте повседневности на трех уровнях цифрового неравенства с учетом негативных последствий, с которыми столкнулись пользователи. На *рис. 1* представлена доля жителей, которые пользуются интернетом, а также доля тех, кто интернетом не пользуется. Данные демонстрируют несущественную дифференциацию: доля пользователей интернета более 90%, значение показателя варьируется от 90,3% в Вологодской области до 99,7% населения в Чеченской Республике³.

Использование интернета оценивалось через конкретные ресурсы, условно соотносимые с его целями или теми сферами повседневной жизни, которые интернет изменил весьма заметно: общение, развлечения и досуг, получение государственных услуг, услуг онлайн-банков, потребление. В *табл. 3* систематизированы данные относительно использования новостных ресурсов, образовательных платформ, социальных сетей, электронной почты, развлекательного контента, сервисов госу-

Таблица 3. Доля населения, которое не пользуется следующими ресурсами интернета, %

Ресурс	Республика Башкортостан	Вологодская область	Курская область	Пермский край	Свердловская область	Тюменская область	Чеченская Республика	В среднем
Образовательные ресурсы	30,9 (1)*	45,3 (1)	35,0 (1)	35,3 (1)	22,7 (1)	36,9 (1)	20,8 (5)	31,8
Интернет-магазины	23,5 (2)	33,8 (3)	27,8 (2)	29,8 (2)	23,1 (2)	34,2 (2)	34,4 (1)	28,9
Развлечения, игры, фильмы	17,7 (4)	39,8 (2)	22,0 (4)	23,4 (4)	19,1 (3)	28,3 (3)	26,2 (3)	24,5
Электронная почта	20,9 (3)	32,0 (4)	24,5 (3)	24,6 (3)	16,2 (6)	24,8 (4)	25,4 (4)	23,7
Социальные сети	12,7 (5)	16,8 (9)	21,0 (5)	19,3 (6)	15,7 (5)	20,9 (5)	31,5 (2)	19,3
Госуслуги	12,3 (6)	23,3 (5)	16,5 (6)	20,6 (5)	17,1 (4)	18,2 (8)	12,7 (8)	16,8
Новостные ресурсы	11,7 (7)	19,8 (6)	10,0 (9)	12,1 (9)	12,5 (7)	18,7 (7)	19,7 (6)	14,6
Банковские онлайн-сервисы	7,4 (8)	18,3 (8)	15,0 (7)	17,8 (7)	11,3 (8)	19,4 (6)	13,1 (7)	14,2
Другие ресурсы	3,6 (9)	19,5 (7)	12,8 (8)	13,8 (8)	7,4 (9)	11,9 (9)	4,5 (9)	10,2

* В скобках указан ранг значения для региона.

³ Выборка слишком мала для надежного проведения тестов на статистическую значимость различий. Однако по рассчитанному критерию IQR ни одно из значений не выходит за границы выбросов. Тест Граббса не выявил статистически значимых выбросов ($p > 0,05$).

луг, банковских онлайн-сервисов, мессенджеров и интернет-магазинов. Эти данные позволяют оценить степень цифровизации отдельных аспектов цифровой повседневности. Наименее востребованный сегмент – образовательные ресурсы, ими в среднем не пользуются 32% пользователей интернета. Только в Чечне и Свердловской области образовательные ресурсы занимают, соответственно, пятую и вторую позицию «антирейтинга» популярности ресурсов сети. Как это ни странно, интернет-магазины по доле не пользующихся ими занимают второе-третье место, а в Чечне – первое. Далее по непопулярности следуют развлечения и электронная почта. Значимые различия выявлены по использованию социальных сетей: в пяти субъектах они занимают близкие 5–6 места, в Вологодской области – девятое, а в Чечне – второе. Госуслугами не пользуются от 12 до 23% ответивших, обеспечив четвертое место рейтинга популярности данного ресурса в Свердловской, пятое – в Курской и Вологодской областях, шестое – в Башкортостане и Пермском крае, восьмое – в Тюменской области и Чеченской Республике. Новостные ресурсы занимают шестую (Чечня и Вологодская область), де-

вятую (Курская область, Пермский край) и седьмую (остальные регионы) позицию. Банковские онлайн-сервисы и мессенджеры замыкают антирейтинг популярности ресурсов. Относительно больше не пользуются онлайн-банками в Тюменской области, мессенджерами – в Вологодской.

Заметно выделяются на общем фоне Чечня – непопулярностью социальных сетей и интернет-магазинов, Вологодская область – популярностью социальных сетей и онлайн-банков, Тюменская область и Чечня – популярностью госуслуг.

Преимущества и бонусы, которые население регионов получает от использования интернет-ресурсов определены через доли респондентов, имеющих опыт следующих цифровых практик: работали с использованием интернета; успешно продавали или обменивали свои вещи через интернет; совершали выгодные покупки онлайн; экономили время благодаря цифровым сервисам (например, при получении госуслуг или заказе доставки). Самые частые выгоды – экономия времени за счет онлайн-услуг и средств на покупки (табл. 4).

Параллельно представлена доля тех, кому не удавалось зарабатывать или экономить средства и время при использовании

Таблица 4. Преимущества и бонусы, полученные интернет-пользователями, %

Вариант ответа	Республика Башкортостан	Вологодская область	Курская область	Пермский край	Свердловская область	Тюменская область	Чеченская Республика	В среднем
Да, я работал(а) / работаю с использованием интернета	20,8	16,6	20,0	20,2	23,6	12,8	18,0	18,3
Да, я успешно продавал / обменивал(а) свои вещи с использованием интернет-ресурсов	20,4	20,8	18,7	28,1	22,6	14,7	8,8	18,4
Да, я совершал(а) выгодные покупки в интернете	42,3	34,9	37,4	43,0	45,4	28,9	35,3	36,9
Да, с помощью интернета я сэкономил(а) свое время (получал государственные и муниципальные услуги онлайн, заказывал доставку на дом и др.)	29,8	37,1	34,3	38,6	42,1	36,9	16,5	32,2
Нет, мне не удавалось зарабатывать и/или экономить средства и время при использовании интернета	31,6	38,2	36,4	38,1	28,4	45,7	44,4	38,7

интернета. Самая высокая доля таких людей выявлена в Чеченской Республике (44,4%) и Тюменской области (45,7%), минимальная – в Свердловской области (28,4%) и Республике Башкортостан (31,6%). Использующих интернет в профессиональной деятельности меньше всего в Тюменской и Вологодской областях, однако в среднем каждый пятый уже трудится с применением сети.

Следующий важный аспект цифровой повседневности и ее благополучия – риск-генность интернет-среды. В данном случае она оценена через распространенность негативных последствий от использования интернета с помощью доли респондентов, столкнувшихся с такими проблемами, как ухудшение психологического самочувствия, ухудшение физического здоровья, появление зависимости от интернет-ресурсов, конфликты в семье, трудности на работе или в учебе. Также представлена доля респондентов, которые не сталкивались с подобными последствиями (в среднем 37%, табл. 5).

Наиболее часто у интернет-пользователей отмечается ухудшение физического здоровья: ослабление зрения, нарушения осанки и другие последствия длительного использования цифровых устройств (почти 22% респондентов ощущают такое негатив-

ное влияние). Менее всего (около 16%) таких пользователей в Вологодской области и Чечне. В остальных субъектах каждый пятый замечает вред для здоровья от использования гаджетов. Вторым по распространенности риском является формирование зависимости (18,6%), этой проблемой более всего озабочены жители Свердловской области и Пермского края (27,9 и 24,3% соответственно).

Наибольшие доли респондентов, не сталкивавшихся с негативными последствиями использования интернета, зафиксированы в Вологодской области и Пермском крае (43%). Уровень рефлексии негативных последствий выше в Свердловской области и Пермском крае практически по всем вариантам влияния, особенно для психики людей.

Совокупность представленных таблиц позволяет оценить уровень цифрового благополучия населения в различных регионах России, выявить как позитивные эффекты от использования цифровых технологий, так и сопутствующие риски, а также проследить региональные различия в степени вовлеченности граждан в цифровое пространство и характере его использования. Поскольку сбор данных осуществлен социологическими методами, при сопоставлении

Таблица 5. Риски пользования ресурсами интернета

Вариант ответа	Республика Башкортостан	Вологодская область	Курская область	Пермский край	Свердловская область	Тюменская область	Чеченская Республика	В среднем
Ухудшение физического здоровья (со стороны органов зрения, позвоночника, сосудов и т. д.)	25,5	15,5	24,4	25,1	24,9	21,1	16,3	21,6
Появление зависимости от использования интернет-ресурсов	17,6	15,8	16,9	24,3	27,9	16,6	14,5	18,6
Ухудшение психологического самочувствия (апатия, страх, тоска, обида)	15,2	9,1	4,9	19,8	20,6	16,3	10,8	13,6
Конфликты, ссоры в семье	9,3	14,4	12,7	13,6	15,2	10,7	10,0	12,0
Трудности, проблемы на работе / учебе	7,3	5,8	6,8	8,4	9,1	5,6	9,5	7,4
Я и мое окружение не сталкивались с такими последствиями	34,2	42,7	32,5	42,6	29,7	40,9	38,1	37,1
Затрудняюсь ответить	20,8	18,6	24,2	10,7	21,6	20,1	25,6	20,7

со статистически фиксируемыми данными о ситуации можно оценить уровень осознанности регионального сообщества, зрелость рефлексии при организации цифровой повседневности.

Заключение

Проникновение информационных технологий в жизнь людей привело к значимым изменениям социальной реальности, заметно трансформировав повседневные практики. Как отмечают эксперты, ключевые трансформации произошли в сфере коммуникации, появились новые основания социальной стратификации, цифровые практики повседневности, сформировались самостоятельные научные направления, создающие концептуально-методический аппарат новых «цифровых» дисциплин.

Не претендуя на полноту эмпирической диагностики, в рамках статьи мы оценили некоторые аспекты цифровой повседневности россиян и возможные региональные основания ее дифференциации на базе методологии цифрового неравенства и цифрового благополучия.

Исследование позволило расширить региональную картину цифрового развития, поскольку в него попали территории, находящиеся в разных частях страны, имеющие свои этнические, национальные, религиозные особенности, сформировавшие некоторые особенности цифровизации повседневности.

Проведенный анализ показал, что первый уровень цифрового разрыва в региональном измерении практически преодолен. На уровне использования присутствуют различия, которые определяются социокультурными параметрами. Так, например, на общем фоне Чечня выделяется непопулярностью социальных сетей и интернет-магазинов, популярностью госуслуг, а Вологодская область – выраженной популярностью социальных сетей и онлайн-банков.

Анализ преимуществ и рисков позволяет увидеть еще более выраженный региональный ракурс. Свердловская область и Пермский край – лидеры по извлечению

различных выгод от использования интернета, но и бремя рисков в этих регионах самое тяжелое. Возможно, это связано с относительно высоким уровнем осознанности населения, сформировавшимся вследствие высокой вовлеченности и накопленного опыта получения выгод разного характера у интернет-пользователей.

Исследования цифрового неравенства демонстрируют, что проблема уже не сводится исключительно к различиям в доступе к инфраструктуре, масштабы цифровых неравенств в мире и России постепенно сокращаются. Все больше акцент смещается на изучение второго и третьего уровней цифрового разрыва, а именно на различия в цифровых навыках и тех эффектах, которые население может извлекать из использования цифровых технологий (Сорокина, 2025). Наблюдаемые межрегиональные различия в цифровой повседневности жителей субъектов Российской Федерации также не могут полностью объясняться диспропорциями в доступности и качестве сетей связи. Значимое влияние оказывают социально-демографические профили регионов, включая возрастную структуру населения, уровень урбанизации и этническую композицию. Важна также укоренившаяся территориальная структура, которая определяет пространственную стратификацию доступа к ресурсам (не только инфраструктурным, но и образовательным). Нельзя оставить без внимания и институционально-культурный контекст, включающий религиозные установки и локальные культурные паттерны, формирующие и специфические барьеры, и стимулы к цифровому потреблению. Важным детерминантом цифровой включенности и стратегий поведения в сети является характер занятости, поэтому экономическая специализация субъектов РФ, диктующая степень потребности экономических агентов в цифровых инструментах, также может определять цифровизацию повседневности работающего населения. Это требует дополнительного изучения.

В рамках развития программы и методики социокультурного портретирования

назрела необходимость более полного учета данных параметров, поскольку они пронизывают все сферы жизни человека, безусловно, влияя на экономическую успешность и выступая детерминантой социально-экономического неравенства, новых форм его проявления. В контексте задач дальнейшей цифровизации экономики и общества «цифровые» портреты регионов позволяют сфокусировать внимание на барьерах и драйверах цифровизации, в том числе обусловленных особенностями культурного кода, самобытностью территорий.

Резюмируя, отметим, что выявление и анализ региональных различий в цифровых практиках позволяет оценить степень распространения и глубины проникновения цифровых технологий в повседневную жизнь населения различных регионов; определить социальные, экономические и инфраструктурные барьеры, ограничиваю-

щие полноценную цифровую интеграцию граждан; выработать обоснованные рекомендации для органов государственной власти и организаций, реализующих проекты по развитию цифровой среды, направленные на сокращение существующего цифрового разрыва между регионами; способствовать формированию единого цифрового пространства, обеспечивающего равные возможности для всех граждан независимо от места проживания.

Таким образом, достижение заявленной цели имеет научную ценность и значительный прикладной потенциал, отвечая актуальным потребностям современного российского общества в условиях усиливающихся мировых тенденций цифровизации, сохраняющегося внутреннего регионального неравенства и необходимости сбережения социокультурного разнообразия народов России.

ЛИТЕРАТУРА

- Архипова М.Ю., Сиротин В.П., Сухарева Н.А. (2018). Разработка композитного индекса для измерения величины и динамики цифрового неравенства в России // Вопросы статистики. № 25 (4). С. 75–87.
- Гладкова А.А., Гарифуллин В.З., Рагнелда М. (2019). Модель трех уровней цифрового неравенства: современные возможности и ограничения (на примере исследования Республики Татарстан) // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. № 4. С. 41–72. DOI: 10.30547/vestnik.journ.4.2019.4172
- Горшков М.К. (2016). Общественные неравенства в пореформенной России: социологический диагноз // Вестник Российского университета дружбы народов. Социология. № 4. С. 693–718.
- Гришаева С.А. (2020). Социальные трансформации в условиях цифровой среды // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. № 1. С. 70–81. DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-1-70-81
- Груздева М.А. (2023). Цифровое благополучие населения региона: подходы к оценке // Проблемы развития территории. Т. 27. № 1. С. 130–144. DOI: 10.15838/ptd.2023.1.123.8
- Добринская Д.Е., Мартыненко Т.С. (2019). Перспективы российского информационного общества: уровни цифрового разрыва // Вестник РУДН. Серия: Социология. № 1. С. 108–120. DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-1-108-120
- Дружинина Н.С., Синева Ю.О. (2024). Компьютерная лингвистика: современные проблемы и перспективы развития // Современное педагогическое образование. № 7. С. 252–255.
- Ермаков П.Н., Ключко Д.С. (2025). Влияние цифрового мира на современного человека // Мир науки. Педагогика и психология. Т. 13. № 1. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/07PSMN125.pdf>
- Кибакин М.В., Гришаева С.А. (2019). Актуальные проблемы рефлексии цифровой социальной реальности: переосмысление научных концепций // Цифровая социология. Т. 2. № 1. С. 4–9.
- Кравченко А.И. (2023) Социология повседневности // Социология. № 4 С. 41–60.
- Лапин Н.И., Беляева Л.А. (2010). Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация 2010) / под ред. Лапина Н.И., Беляевой Л.А.; Рос. акад. наук, Ин-т философии. Москва: ИФ РАН.

- Мкртумова И.В., Чижов Д.А., Янчук П.П., Ашкар М. (2025). Трансформации социальных коммуникаций в условиях цифровой платформизации и создания метавселенных помощи человеку // *Цифровая социология*. Т. 8. № 1. С. 42–50. DOI: 10.26425/2658-347X-2025-8-1-42-50
- Моисеева А.А. (2017). Условия и последствия диджитализации современного общества: социально-экономический анализ // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. № 39. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/usloviya-i-posledstviya-didzhitalizatsii-sovremennogo-obschestva-sotsialno-ekonomicheskii-analiz>
- Немцева Е.Ю. (2023). Цифровая антропология: историографический обзор // *Молодой ученый*. № 9 (456). С. 23–29.
- Ницевич В.Ф. (2018). Цифровая социология: теоретико-методологические истоки и основания // *Цифровая социология*. Т. 1. № 1. С. 18–28. DOI: 10.26425/2658-347X-2018-1-18-28
- Осипова Н.Г. (2022). Цифровизация социальной реальности: ключевые дискуссии // *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*. № 28 (3). С. 9–42. DOI: 10.24290/1029-3736-2022-28-3-9-42
- Первухина С.В. (2020). Цифроцентрическая научная парадигма в лингвистике: современность или будущее? // *Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки*. Вып. 122. С. 73–80. DOI: 10.47475/1994-2796-2020-11209
- Посакалова Т.А., Сорокова М.Г. (2022). Цифровая социализация молодых взрослых: тренды и тенденции в коммуникации // *Цифровая гуманитаристика и технологии в образовании (DHTE 2022): сб. статей III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 17–18 ноября 2022 г. / под ред. В.В. Рубцова, М.Г. Сороковой, Н.П. Радчиковой*. Москва: Издательство ФГБОУ ВО МГППУ. С. 331–343.
- Прончев Г.Б. (2022). Трансформация моделей социальной коммуникации в цифровую эпоху // *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*. № 4. С. 122–138. DOI: 10.24290/1029-3736-2022-28-4-122-138
- Сафиуллин А.Р., Моисеева О.А. (2019). Цифровое неравенство: Россия и страны мира в условиях четвертой промышленной революции // *Научно-технические ведомости СПбГУ. Экономические науки*. Т. 12. № 6. С. 23–37. DOI: 10.18721/JE.12602
- Седых О.М. (2024). Концепт культуры в цифровой антропологии // *Вестник Московского университета. Серия 7. Философия*. № 3. DOI: 10.55959/MSU0201-7385-7-2024-3-44-60
- Смирнов А.В. (2021). Цифровое общество: теоретическая модель и российская действительность // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. № 1. С. 129–153. DOI: 10.14515/monitoring.2021.1.1790
- Смирнов В.А. (2024). „Цифровизация” социологии: новые возможности и ключевые противоречия // *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*. № 4. DOI: 10.24290/1029-3736-2024-30-4-145-163
- Солдатова Г.У., Чигарькова С.В., Илюхина С.Н. (2025). Расширенная версия Шкалы самоуправления цифровой повседневностью (СУЦП-2): целостность как потенциал адаптации и благополучия // *Культурно-историческая психология*. № 21 (4). С. 25–37. DOI: 10.17759/chp.2025210403
- Сорокина Н.Ю. (2025). Проблема цифрового неравенства населения регионов Российской Федерации // *Уровень жизни населения регионов России*. Т. 21. № 3. С. 447–460. DOI: 10.52180/1999-9836_2025_21_3_8_447_460
- Утробина А.А. (2022). Компьютерная лингвистика и машинный перевод: об истории становления // *Вестник Башкирского университета*. № 2. С. 401–404. DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2022.2.25
- Gunkel D.J. (2003). Second thoughts: Toward a critique of the digital divide. *New Media & Society*, 5(4), 499–522
- Hargittai E. (2001). *Second-level Digital Divide: Mapping Differences in People's Online Skills*. Available at: <https://arxiv.org/ftp/cs/papers/0109/0109068.pdf>
- Ragnedda M. (2018). Conceptualizing digital capital. *Telematics and Informatics*, 35, 1–10. DOI: 10.1016/j.tele.2018.10.006
- Ragnedda M., Kreitem H. (2018). The three levels of digital divide in East EU countries. *World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies*, 4, 5–27. DOI: 10.30547/worldofmedia.4.2018.1

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Мария Андреевна Груздева – кандидат экономических наук, заведующий центром, ведущий научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: Mariya_antonovarsa@mail.ru)

Ольга Николаевна Калачикова – кандидат экономических наук, доцент, заместитель директора по научной работе, ведущий научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: Onk82@yandex.ru)

Gruzdeva M.A., Kalachikova O.N.

RUSSIANS' DIGITAL EVERYDAY LIFE: CASE STUDIES OF SEVEN REGIONS

The article examines how the digital divide manifests itself in the everyday life of the population across Russian regions. The relevance of this issue is confirmed by the fact that, despite active promotion of government initiatives, regional differences in digitalization levels persist. The study aims to identify common trends and regional differences in the digitalization of everyday life in Russia. It attempts to trace regional variations in the degree of citizens' involvement in the digital space, including through the lens of actual practices, in order to determine the positive effects of digitalization, the associated risks, and how the population perceives them. The scientific novelty of the work lies in the use of a unique database for regional comparisons, which includes a study conducted according to a unified methodology in seven regions of the country (the Vologda, Kursk, Sverdlovsk, and Tyumen regions, the Perm Territory, the Chechen Republic, and the Republic of Bashkortostan), as well as in combining markers of digital well-being and digital everyday life. The study employs a set of methods: comparative and statistical analysis, sociological methods, and system-structural analysis for interpreting the results. It is found that the first level of the digital divide (access to ICT) has been almost overcome – the share of internet users exceeds 90% in all the regions studied (from 90.3% in the Vologda Region to 99.7% in the Chechen Republic). Differences in the use of digital resources driven by sociocultural parameters are examined: for example, in Chechnya social media and online stores are unpopular, while government services are in demand; in the Vologda Region, social media and online banking are popular, and educational resources proved to be the least in demand (32% of respondents do not use them). The largest shares of people who have not encountered the negative consequences of internet use are recorded in the Vologda Region and the Perm Territory (43%). A promising direction for future research is to deepen the analysis of barriers to and drivers of digitalization, taking into account the specific features of the cultural code and the distinctiveness of territories.

Digitalization, digital everyday life, digital environment, digital reality, internet, Russian regions.

REFERENCES

- Arkhipova M.Yu., Sirotin V.P., Sukhareva N.A. (2018). Developing a composite index for measuring the scale and dynamics of digital inequality in Russia. *Voprosy statistiki*, 25(4), 75–87 (in Russian).
- Dobrinskaya D.E., Martynenko T.S. (2019). Prospects for the Russian information society: Levels of the digital divide. *Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya*, 1, 108–120. DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-1-108-120 (in Russian).
- Druzhinina N.S., Sineva Yu.O. (2024). Computational linguistics: Current problems and development prospects. *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie*, 7, 252–255 (in Russian).

- Ermakov P.N., Klyuchko D.S. (2025). The impact of the digital world on modern humans. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya*, 13(1). Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/07PSMN125.pdf> (in Russian).
- Gladkova A.A., Garifullin V.Z., Ragnedda M. (2019). The three-level model of the digital divide: Contemporary possibilities and limitations (the case of the Republic of Tatarstan). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, 4, 41–72. DOI: 10.30547/vestnik.journ.4.2019.4172 (in Russian).
- Gorshkov M.K. (2016). Social inequalities in post-reform Russia: A sociological diagnosis. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Sotsiologiya*, 4, 693–718 (in Russian).
- Grishaeva S.A. (2020). Social transformations in the digital environment. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya*, 1, 70–81. DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-1-70-81 (in Russian).
- Gruzdeva M.A. (2023). Digital well-being of the region's population: Approaches to assessment. *Problemy razvitiya territorii*, 27(1), 130–144. DOI: 10.15838/ptd.2023.1.123.8 (in Russian).
- Gunkel D.J. (2003). Second thoughts: Toward a critique of the digital divide. *New Media & Society*, 5(4), 499–522.
- Hargittai E. (2001). *Second-level Digital Divide: Mapping Differences in People's Online Skills*. Available at: <https://arxiv.org/ftp/cs/papers/0109/0109068.pdf>
- Kibakin M.V., Grishaeva S.A. (2019). Current problems in reflecting on digital social reality: Rethinking scholarly concepts. *Tsifrovaya sotsiologiya*, 2(1), 4–9 (in Russian).
- Kravchenko A.I. (2023). The sociology of everyday life. *Sotsiologiya*, 4, 41–60 (in Russian).
- Lapin N.I., Belyaeva L.A. (2010). *Programma i tipovoi instrumentarii "Sotsiokul'turnyi portret regiona Rossii" (Modifikatsiya 2010)* [The Program and Standard Toolkit for a "Sociocultural Portrait of a Russian Region" (2010 Modification)]. Moscow: IF RAN.
- Mkrtumova I.V., Chizhov D.A., Yanchuk P.P., Ashkar M. (2025). Transformations of social communications under digital platformization and the creation of metaverses for human assistance. *Tsifrovaya sotsiologiya*, 8(1), 42–50. DOI: 10.26425/2658-347X-2025-8-1-42-50 (in Russian).
- Moiseeva A.A. (2017). Conditions and consequences of the digitalization of modern society: A socioeconomic analysis. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, 39. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/usloviya-i-posledstviya-didzhitalizatsii-sovremennogo-obshchestva-sotsialno-ekonomicheskii-analiz> (in Russian).
- Nemtseva E.Yu. (2023). Digital anthropology: A historiographical review. *Molodoi uchenyi*, 9(456), 23–29 (in Russian).
- Nitsevich V.F. (2018). Digital sociology: Theoretical and methodological origins and foundations. *Tsifrovaya sotsiologiya*, 1(1), 18–28. DOI: 10.26425/2658-347X-2018-1-18-28 (in Russian).
- Osipova N.G. (2022). Digitalization of social reality: Key debates. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya*, 28(3), 9–42. DOI: 10.24290/1029-3736-2022-28-3-9-42 (in Russian).
- Pervukhina S.V. (2020). The digital-centric scientific paradigm in linguistics: The present or the future? *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologicheskie nauki*, 122, 73–80. DOI: 10.47475/1994-2796-2020-11209 (in Russian).
- Poskakalova T.A., Sorokova M.G. (2022). Digital socialization of young adults: Trends and tendencies in communication. In: *Tsifrovaya gumanitaristika i tekhnologii v obrazovanii (DHTE 2022): sb. statei III Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. 17–18 noyabrya 2022 g.* [Digital Humanities and Technologies in Education (DHTE 2022): Proceedings of the III All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation, November 17–18, 2022]. Moscow: Moscow State University of Psychology and Education Publishing House (in Russian).
- Pronchev G.B. (2022). Transformation of social communication models in the digital age. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya*, 4, 122–138. DOI: 10.24290/1029-3736-2022-28-4-122-138 (in Russian).
- Ragnedda M. (2018). Conceptualizing digital capital. *Telematics and Informatics*, 35, 1–10. DOI: 10.1016/j.tele.2018.10.006
- Ragnedda M., Kreitem H. (2018). The three levels of digital divide in East EU countries. *World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies*, 4, 5–27. DOI: 10.30547/worldofmedia.4.2018
- Safiullin A.R., Moiseeva O.A. (2019). Digital inequality: Russia and the countries of the world under the fourth industrial revolution. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti SPbGU. Ekonomicheskie nauki*, 12(6), 23–37. DOI: 10.18721/JE.12602 (in Russian).

- Sedykh O.M. (2024). The concept of culture in digital anthropology. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya*, 3. DOI: 10.55959/MSU0201-7385-7-2024-3-44-60 (in Russian).
- Smirnov A.V. (2021). The digital society: A theoretical model and Russian reality. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, 1, 129–153. DOI: 10.14515/monitoring.2021.1.1790 (in Russian).
- Smirnov V.A. (2024). The “digitalization” of sociology: New opportunities and key contradictions. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya*, 4. DOI: 10.24290/1029-3736-2024-30-4-145-163 (in Russian).
- Soldatova G.U., Chigarkova S.V., Ilyukhina S.N. (2025). An extended version of the Digital Everyday Life Self-Management Scale (DELS-2): Integrity as a potential for adaptation and well-being. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya*, 21(4), 25–37. DOI: 10.17759/chp.2025210403 (in Russian).
- Sorokina N.Yu. (2025). The problem of digital inequality among the population of Russian regions. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii*, 21(3), 447–460. DOI: 10.52180/1999-9836_2025_21_3_8_447_460 (in Russian).
- Utrobina A.A. (2022). Computational linguistics and machine translation: On the history of their formation. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, 2, 401–404. DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2022.2.25 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Marya A. Gruzdeva – Candidate of Sciences (Economics), head of center, Leading Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: Mariya_antonovarsa@mail.ru)

Olga N. Kalachikova – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, deputy director for research, Leading Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: Onk82@yandex.ru)